

На правах рукописи

САПРЫНСКАЯ ДАРЬЯ ВИКТОРОВНА

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ/СССР И КИТАЯ В
ОТНОШЕНИИ УЙГУРОВ И ДУНГАН (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX –
ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук**

Москва – 2026

Работа выполнена в Лаборатории современных исследований Центральной Азии и Кавказа Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья (ЦИЦАКУП) Института востоковедения Российской академии наук.

Научный руководитель:	Быков Андрей Юрьевич доктор исторических наук, руководитель Лаборатории современных исследований Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения Российской академии наук
Официальные оппоненты:	Князев Александр Алексеевич доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации Почекаев Роман Юлианович доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита диссертации состоится « » _____ 2026 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета 24.1.041.01 (Д 002.042.03) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе ФГБУН Института востоковедения Российской академии наук по адресу: 107031 Москва, ул. Рождественка, д.12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения РАН» (www.ivran.ru).

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук

Петрова А.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная Центральная Азия¹ – поликонфессиональный и полиэтнический регион, народы которого исторически находились во взаимосвязи с несколькими государственными образованиями, правовыми системами и культурными традициями. Положение региона на перекрестке различных культурных традиций, социальных укладов и административных систем обусловило разнородность и неодновременность трансформации этнокультурной идентичности. В результате этих процессов была сформирована современная этнополитическая карта региона.

Актуальность исследования обусловлена протекающими в настоящее время этнополитическими процессами в Центральной Азии. После распада СССР произошло становление национальных государств, в связи с которым ряд исследователей ставит вопрос о возникновении нового субъекта международных отношений – Центральной Азии. Каждая из стран региона по-разному подошла к формированию этнической политики с учетом специфики и опыта этнокультурного взаимодействия. В Российской Федерации, Китае и странах Центральной Азии существует собственная политика в отношении этнических меньшинств, её первичная цель состоит в сохранении государственной целостности и предотвращении сепаратизма на этнической основе. Этнические общности по-разному воспринимают условия, продиктованные рамками этнополитического курса своей страны: от стремления к созданию разнородных национально-территориальных автономий до обретения суверенитета. Несмотря на различное отношение властей стран региона к процессам этнокультурного развития этнических сообществ, тема остается одной из наиболее обсуждаемых в СМИ и научно-экспертном сообществе. Исследование административных подходов к решению национального вопроса позволяет выявить уровень напряженности в этноконфессиональной сфере и оценить эффективность проводимой этнополитики в ретроспективе в сравнении с текущими процессами и прогнозами.

Объектом исследования является этнокультурная идентичность уйгуров и дунган в Центральной Азии. Объединение дунган и уйгуров в единый объект исследования вызвано тремя факторами:

1. оба этноса оказались в составе Российской и Цинской империй и их правопреемников РСФСР/СССР и Китайской Республики;
2. их объединяет общая историческая судьба: параллельное и совместное участие в антицинских восстаниях последней трети XIX века,

¹ Под термином «Центральная Азия» представляется не современное политическое понятие пяти республик бывшего СССР, а географическое представление региона, включающее в себя северо-западные области современного КНР, Республики Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и др. Аналогичным для российской и советской историографии является термин «Средняя Азия». Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 3–5.

несколько волн трансграничной миграции последней трети XIX – первой трети XX веков;

3. участие в процессе национального строительства как по отдельности, так и совместно в рамках общих проектов, связанных с формированием единой нации – уйгуры, куда были включены и дунгане, в первой трети XX века².

Предметом исследования выступает политика российской и китайской администрации в отношении этнокультурной идентичности уйгуров и дунган и реакция на нее соответствующих сообществ.

Целью исследования является сравнительный анализ этнокультурной политики Российской и Цинской империй, СССР и Китайской Республики в отношении уйгуров и дунган в период последней трети XIX – первой трети XX века с точки зрения их влияния на трансформацию правового положения и этнокультурной идентичности указанных народов.

В рамках исследования поставлены следующие **задачи**:

- 1) определить этапы и особенности этнокультурной политики России и Китая в регионе в отношении уйгуров и дунган;
- 2) проанализировать правовое положение уйгурской и дунганской общин в последней трети XIX – первой трети XX века;
- 3) выявить подходы к определению правового статуса уйгуров и дунган региональными, имперскими (российской и китайской), китайской республиканской и советской политико-административными системами;
- 4) определить влияние административно-правовых реформ и эволюции институтов самоуправления в последней трети XIX – первой трети XX века на формирование этнической идентичности уйгуров и дунган; выявить, каким образом эти изменения повлияли на кристаллизацию представлений о группе, территориальную принадлежность и политическое положение;
- 5) классифицировать исследования отечественных и зарубежных авторов, изучавших этнические общности уйгуров и дунган, с учетом их социокультурных характеристик, определить их влияние на процесс нациестроительства.

Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении исследовательской проблемы в кроссрегиональном контексте в исторической динамике. Исследование позволяет представить трансформацию понятийного аппарата, административных мер, а также выявить этапы и особенности этнокультурной политики в регионе под действием различных государственных практик.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов исследования в учебно-методической работе и научно-экспертной деятельности. Настоящее исследование может послужить основой для продолжения научных изысканий автором и другими учеными.

² См., напр.: РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405. Л. 2-7.

Хронологические рамки исследования охватывают период последней трети XIX – первой трети XX веков. Нижняя граница определена качественным изменением правового положения уйгуров и дунган в рамках разных государств и объединений. Вехами стали образование Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году, Мусульманское восстание 1862–1878 годов и миграция части населения Восточного Туркестана в Западный³, а также российско-китайское разграничение в регионе. Верхняя граница знаменуется завершением процесса национально-территориального размежевания и формирования республик и автономных образований меньшего уровня в Средней Азии и Казахстане (1924–1936 годы), а также образованием на территории Синьцзяна Восточно-Туркестанской (Исламской) республики.

Географические рамки исследования включают территории Русского (Западного) Туркестана, Синьцзяна (Западного края) или Китайского (Восточного) Туркестана в период конца XIX – начала XX века, после 1917 года – Туркестанскую АССР, Хорезмскую и Бухарскую НСР, ставших впоследствии республиками Средней Азии и Казахстана, а также территории, находившиеся под управлением Ян Цзэнсиня – губернатора Синьцзяна после Синьхайской революции 1911 года, территории провинций Ганьсу, Цинхай в период Китайской Республики.

Методологической основой диссертации является конструктивистский подход, который применяется в диахронической ретроспективе с учетом терминологии и понятий, свойственных отдельно взятой эпохе. Этот подход ассоциируется с идеей Э. Дж. Хобсбаума о том, что конструирование национальности и национализма, происходящее сверху, невозможно без учета чаяний и интересов простого человека, понимания его надежд и убеждений⁴. Автор также опирается на подход Р. Брубейкера, который переосмыслил групповой конструктивизм, перейдя к анализу этничности без групп. Этнизация, расизация и национализация определяются им в качестве практических категорий⁵. Диссертант не отрицает существования наций, рас, этничности, а говорит об обстоятельствах, необходимых для появления этих категорий; в его представлении важнее обстоятельства, а не сам факт группы. Трансформация идентичности исследуемых групп происходит под влиянием российской и китайской политико-административных систем. При определении элементов системы и структурных связей внутри неё тщательного внимания требует

³ РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 48. О восстании дунганей в Западном Китае. 8 января 1866 – 27 марта 1867 г; РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 99. О восстании дунганей, о возвращении китайских эмигрантов на родину и о разграблении байджигитовских киргизов китайскими калмыками. Ч. 1; РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 100. Ч. 2.

⁴ Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 9–10.

⁵ Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 14–43.

установление объективных и субъективных факторов, влияющих на функционирование всей системы, вплоть до приобретения ею новых качеств, проявлением чего может рассматриваться появление новых групповых форм идентичности и/или обретение ими элементов правовой субъектности, а также автономии и/или суверенитета. Взаимодействие соседствующих территориально аналогичных национальных элементов в разных политико-административных системах вносит в эту умозрительную конструкцию дополнительные факторы. Не отрицая существования уйгуров и дунган в качестве отдельных этнических групп, их общность формулируется в связи с единством политических, социальных и прочих обстоятельств, явившихся причинами трансформации их идентичности.

Параллельно с синхронным применяется и диахронный метод с выявлением отдельных периодов, демонстрирующих эволюцию процессов политогенеза и нациестроительства. Также выделяются отдельные этапы развития категориального аппарата и сбора научных сведений об исследуемых общностях, уточняется терминологический аппарат.

В работе использованы качественные сравнительно-исторический и ретроспективный, а также количественные методы анализа.

Использование терминологии «национального» применительно к исследуемым народам становится возможным только с 1920-х годов. До этого времени более корректным термином является «этническая общность»⁶. В работе применяются как локальные этнонимы, так и специфичные наименования, свойственные политическим системам России и Китая.

Источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп: 1) законодательные и международно-правовые акты, дающие возможность проследить эволюцию международных отношений в регионе; 2) делопроизводственная документация, включая материалы ведомств, учреждений и неправительственных организаций; материалы обследований, экспедиций и др., которые выступили наиболее массовым видом источников, способным пролить свет на вопросы структуры общества уйгуров и дунган, их взаимоотношений с властями и другими социальными сообществами; 3) материалы политических партий и объединений, в первую очередь представителей кадетов, джадидов, социал-демократов, особенно большевиков, а также Гоминьдана и в меньшей степени КПК; 4) статистические материалы, в частности, материалы переписей населения, которые позволяют с различной степенью достоверности верифицировать данные об этнолингвистическом и конфессиональном составе населения регионов, а также материалы российской земской статистики, помимо количественных данных, дающих возможность получения информации о взглядах представителей тех или иных сообществ, их хозяйственной

⁶ Тишков В. А. Этническая общность // Большая Российская энциклопедия. ; гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2017.

деятельности и характере социальных связей внутри своего и с соседними сообществами; 5) источники личного происхождения (дневники, мемуары, личные письма), к которым также стоит отнести отдельные исследовательские труды, например, военные и полевые записки, обзорные материалы отдельных областей или народностей; 6) историографические хроники, которые позволяют проследить эволюцию этнонимов; 7) материалы периодической печати, как издававшихся в столице и крупных административно-научных центрах, так и особенно выходивших на местах на русском, китайском и тюркских языках; 8) специфическим видом источников выступают работы этнографов, обычно являвшихся одновременно представителями администрации различного уровня, роль которых в процессе нациестроительства была чрезвычайно велика.

Использовались опубликованные⁷ и архивные материалы, в том числе из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ): Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел; Ф. Р1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР; Ф. Р1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК); Ф. Р3316. Центральный исполнительный

⁷ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. / Сост. Н. Ф. Демидова, В.С. Мясников; Коммент. и ист. введ. С. 5–28, В. С. Мясникова; Археогр. введ. Н. Ф. Демидовой; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов. М.: Наука, 1969–1972. 2 т.; Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1978–1990.; Русско-китайские отношения в XIX веке: Материалы и док. // Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока, М-во иностр. дел РФ, Ист.-док. упр.; Сост. М. Б. Давыдова и др. М.: Памятники ист. мысли, 1995; Русско-китайские отношения в XX веке: материалы и документы / Российская. акад. наук. Ин-т Дал. Востока и др. М.: Памятники ист. мысли, 2000; Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1978–1990; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / [изд. Д. Пешуров]. СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1889. URL: <https://www.prlib.ru/item/442818> (дата обращения: 07.10.2022); АН СССР Комиссия по изучению племенного состава населения России // Известия. 1: Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917; АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1927; Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014; Чжун-Су гуаньси цыдянь [Энциклопедия китайско-советских отношений]. Далянь, 1990. (《中苏关系词典》大连出版社, 1990) (на кит. яз.); Чжун-Су Гуаньси Шиган (1917–1991) // Шэнь Чжихуа Чжубянь – Beijing : Синьхуа Чубаньшэ. [Обзор китайско-советских отношений (1917–1991). С. 189–234 / под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин: Издательство Xinhua.], 2007. (《中苏关系史纲 (1917–1991) 》. 新华出版社) (на кит. яз.).

комитет СССР (ЦИК СССР); Ф. Р5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета; Ф. 10073. Коллекция белогвардейских и эмигрантских листовок. Из документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) были использованы материалы фондов: Ф. 165. Куропаткин А. Н.; Ф. 400. Главный штаб. 1836–1918; Ф. 447. Систематический каталог. 1737–1916; Ф. 1395. Туркестанский военный округ. 1866–1920. Из рукописных материалов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН): Ф. 40. Рукописи, полевые и другие материалы сотрудников МАЭ за 1828–1993 годы. Из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) привлекались документы фонда: 1) Ф. 62. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро) (1922–1934). Из материалов Российского государственного исторического архива (РГИА): 1) Ф. 1284. Департамент общих дел МВД; Ф. 1291. Земский отдел МВД. Из Архива востоковедов ИВР РАН: Ф. 33. Кун Александр Людвигович (1840–1988); Ф. 43. Петровский Николай Федорович (1837–1908). Также привлекались картографические материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Ф. 192 и коллекция Ф. 1385. Барон Ф. Р. Остен-Сакен.

Помимо российских архивохранилищ использовались материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК): Ф. Р-5. Центральный исполнительный комитет Казахской АССР; Ф. И-9. Канцелярия окружного инженера Тобольско-Акмолинского горного округа г. Омск; Ф. И-14. Окружной инженер Степного северного горного округа г. Омск; Ф. И-44. Семиреченское областное правление, г. Верный; Ф. И-64. Канцелярия Степного генерал-губернатора; Ф. Р-81. Народный Комиссариат Просвещения Казахской АССР и Ф. Р-1692. Народный Комиссариат Просвещения Казахской ССР.

Историография и степень разработанности темы

Исследованию проблем трансформации этнокультурной идентичности у дунган и уйгуров под действием этнополитики России и Китая посвящен комплекс работ отечественных, китайских, центральноазиатских и специалистов из других стран. Их можно классифицировать по тематическому принципу:

1. подходы к исследованию этнополитики/национальной теории в Российской империи/СССР и Цинской империи/Китайской Республике; в том числе труды, которые репрезентуют непосредственно трансформацию уйгурского и дунганского сообществ; и

2. исследования, характеризующие российско-китайские отношения; включая работы, посвященные изучению региональной истории.

Часть работ, которые могут рассматриваться в качестве историографических, в настоящем исследовании отнесены к историческим источникам, поскольку их авторы оказывали непосредственное влияние на формирование этнополитики и процессов нациестроительства в регионе.

1. Значительный историографический массив представлен исследованиями, затрагивающими проблему национального и её проекции на другие этнические общности (В. А. Тишков, С. Н. Абашин, А. И. Миллер, А. В. Ремнёв, Д. А. Аманжолова, А. Ю. Быков, А. А. Москалев, А. Халид, Ван Кэ, Пань Сяньлинь, Цзинь Бингао и др.)⁸.

2. Ряд работ связан с процессами, иллюстрирующими трансформацию этнокультурной политики в отношении уйгуров и дунган, и исследованиями их идентичности (К. Л. Сыроежкин, А. Ш. Кадырбаев, Л. А. Чвырь, М. Рузиев, М. Р. Мадиван, О. И. Завьялова, М. Сушанло, Д. С. Маджун, М. Абдарахманов, Г. С. Садвакасов, А. К. Камалов, Е. И. Кычанов, Н. Турсун, Линь Гань, Ли Жудун, Ким Хо-дон и др.)⁹.

⁸ Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007; Абашин С. Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов/ Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 351–360; Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М.: Новое лит. обозрение, 2006; Ремнёв А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997; Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920-1930-е гг.: монография. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019; Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М.: Новый Хронограф, 2020. Аманжолова Д. А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920-1930-е гг. М.: Собрание, 2010; Быков А. Ю. Национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане в 1920–1930 гг.: подходы и решения / А. Ю. Быков // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С. 141–197; Москалев А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). М.: Наука, 1981; Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии. Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова. СПб.: Алтейя, 2021. С. 395–415; Халид А. Национализация революции в Средней Азии: Трансформация джадидизма, 1917–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 43–113; Ван Кэ. Сяоши дэ «гомин» цзиньдай чжунго «миньцзу» юй шао шу миньцзу дэ гоцзя жэнь тун [Исчезающая нация: дискурс «нации» в современном Китае и национальная идентичность национальных меньшинств]. – Сянган: Издательство Китайского университета, 2017. (王柯. 《消失的「國民」近代中國的「民族」話語與少數民族的國家認同》. 香港: 中文大学出版社, 2017) (на кит.яз.); Пань Сяньлинь. Дуй Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю лилунь вэньти дэ сыкао [Размышление о теоретических вопросах исследования истории нации Китая в Новое время] // Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 1 цзюань. Под ред. Чэнь Ли, Пэн Улинь. Бэйцзин: Шэхуэй Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. С. 111–130. (潘先林. 《对中国近代民族史研究理论问题的思考》//《中国近代民族史研究文选(上)》由陈理、彭武麟主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2013) (на кит. яз.); Цзинь Бингао (чжу бян). Чжунго миньцзу лилунь байнянь фачжань: 1900–1999 [Сто лет развития китайской национальной теории: 1900–1999]. Шэньян: Ляонин Миньцзу Чубаньшэ, 2008. (金炳镐 (主编). 《中国民族理论百年发展: 1900-1999》, 沈阳: 辽宁民族出版社 2008 年版). (на кит. яз.).

⁹ Сыроежкин К. Л. Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана. Монография. Алматы, 2015. Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и

3. Исследования российско-китайских отношений (Б. Г. Курц, В. С. Мясников, В. Г. Дацышен, Ю. М. Галенович, А. Д. Воскресенский, Е. Г. Темников, И. Р. Хамзин, В. А. Бармин, Дж. К. Фэрбэнк и др.)¹⁰.

практика. Алматы: б.и., 1993; Кадырбаев А. Ш. «Почтенные мусульмане» – народы хуэй и дунгане // Иран-наме, научный востоковедческий журнал. 2011. № 3(19). С. 25–36; Чвырь Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. Очерки историко-культурных связей. М.: Наука, 1990; Рузиев М. Возрожденный уйгурский народ. 2-е изд., доп. и испр. Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 10–25; Дунгане. История и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / Российская академия наук, Институт восточных рукописей (азиатский музей); сост. М. Р. Мадиван. М.: Наука: Восточная лит., 2017; Завьялова О. И. Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу // Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М.Р. Мадиван; отв. ред. О. И. Завьялова; Институт восточных рукописей (Азиатский музей) РАН; Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 12–14; Сушанло М. Я. У истоков дунганской фонетической письменности // Сб. Ориенталистика в Киргизии. 1987. С. 3–5; Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек. 2023. С. 154–157. Абдарахманов Минэмжан. Октябрьдин илхамлинип: Улуқ Октябрь соц. революциясиниң 72 ж. даир / Қаз.ССП «Билим» жәм-ти. Алматы: Қазақстан, 1989. С. 56–72 (на уйгур. яз.); Садакасов Г. С. Язык уйгуров Ферганской долины / АН Каз. ССР. Ин-т языкознания. Отд. уйгуроведения. Алма-Ата: Наука, 1970. Садакасов Г. С. К вопросу о взаимодействии уйгурских и узбекских говоров Ферганы // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980; Kamalov A. Birth of Uyghur National History in Semirech'ye. Nāzāryoja Abdusemätov and His Historical Works // Oriente Moderno. No. 96. 2016. P. 181–196 (на англ. яз.); Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган // Сов. Этнография. 1978. №2. С. 95–99; Турсун Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии / Под ред. А. И. Нарынбаева. Бишкек: Tesis, 1999. Турсун Н. Китайская историография XX века средневековой истории уйгуров: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т востоковедения РАН. М., 1995; Линь Гань. Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации // Синь цзянынэ [«Новое строительство»]. 1952. №2, 3. Пер. с кит. Г. Н. Райской; Ли Жудун. Диюй гуаньянь юй миньцзу жэньтун и Чжун я Хуйэцзу [Dongganren] вэй чжун синь дэ као ча // Сибэй Миньцзу Яньцзю. [Пространственные представления и этническая идентичность: исследование на пример хуэйцзу (дунган) // Северо-Западное этнологическое обозрение]. 2015. №3. С. 145–158. (李如东. 《地域观念与民族认同: 以中亚回族(东干人)为中心的考察》 // 西北民族研究, 2015) (на кит. яз.); Kim Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864-1877. Stanford University Press, 2004 (на англ. яз.); Lipman J. N. Familiar strangers: a history of Muslims in Northwest China. Hong Kong University Press, 1998 (на англ. яз.).

¹⁰ Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков : Государственное издательство Украины, 1929; Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987; Русско-китайские отношения 1689–1916. М., 1958; Мясников В. С. «Договорными статьями утвердили». Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996; Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография. М.: Проспект, 2017; Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница. М.: Изограф, 2010; Воскресенский А. Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80-90-е гг. XX в.) / А. Д. Воскресенский. М.: РНФ, 1994.; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.:

4. Работы, посвященные изучению региональной (туркестанской) истории. В нее входят исследования о специфике положения Западного и Восточного Туркестана от его географии и топонимики до трудов, которые характеризуют проблемы политической истории (А.Н. Бернштам, А. Г. Малявкин, А. Ш. Кадырбаев, С. М. Горшенина, Д. В. Дубровская, Сюй Цзяньин и др.)¹¹.

Исследования, которые посвящены политической истории Западного и Восточного Туркестана составляют еще одну подгруппу (С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, Д. Ю. Арапов, В. А. Бармин, Н. Е. Бекмаханова, С. Н. Абашин, Т. В. Котюкова, В. О. Бобровников, Д. В. Васильев, А. Д. Васильев, В. П. Васильев, О. В. Зотов, В. С. Кузнецов, А. Х. Ходжаев, Л. И. Думан, Д. А. Исиев и др.)¹².

Моск. обществ. науч. фонд и др. 1999; Темников Е. Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03: защищена 02.12.2010 / Темников Евгений Геннадьевич, Казань, 2010. Темников Е. Г. Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Сер. гуманитарные науки. Кн. 4. Казань: Изд-во Казан. ун-та, – 2007. – С. 203–210; Хамзин И. Р. Разрешение русско-китайского пограничного кризиса 1870–1880-х гг. в ведомственных структурах Российской империи // Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 398–402; Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: СССР и Синьцзян, 1918–1941 гг.: (Регион. фактор во внеш. политике Совет. Союза). Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998; Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. Бармин В.А. Сотрудничество уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations: научный журнал. 2019. №1 (3), С. 62-66. Бармин В. А. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г. [Коллективная монография] / Ю.А. Лысенко и др. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Fairbank J. K. The great Chinese revolution: 1800-1985. New York, 1986 (на англ. яз.).

¹¹ Бернштам А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана – Вестник древней истории. 1947, №2. С. 70; Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск: Наука, 1981; Кадырбаев А. Ш. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в российско-советской, западной, китайской и иранской историографии // Иран-наме. 2008. № 2. С. 232–238; Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой; перевод с франц. М. Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. С. 12–15; Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. РАН. Ин-т востоковедения. М.: ИВ РАН, 1998; Сюй Цзяньин. Дун ту вэньти дэ лиши юй сяньчжуан шулунь [Вопрос Восточного Туркестана: история и современное состояние] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и общественные науки]. 2016. Т. 37. № 6. С. 1–10 (许建英. 《东突》问题的历史与现状述论)) (на кит. яз.).

¹² Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трёх тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992; Императорская Россия и мусульманский мир: конец XVIII — начало XX в.: сборник статей; под ред. Д. Ю. Арапова. М.: Наталис, 2006; Центральная Азия в составе Российской

Положения, выносимые на защиту:

1. В XIX веке региональная этнополитика России и Китая в отношении исследуемых народов формировалась в рамках российского подхода к «инородцам» в Западном Туркестане и «вайфань»¹³ – в китайском Туркестане.

империи; отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Бармин В. А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918–1949 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 : защищена 27.01.2006 / Бармин Валерий Анатольевич. Барнаул, 2005; он же. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998; он же. СССР и Синьцзян. 1918–1941 гг. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999; Бармин В. А. Сотрудничество уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations: научный журнал. 2019. №1 (3), С. 64-66; Бармин В. А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2(76). С. 27-35; Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии : Послед. четверть XVIII - 60-е гг. XIX в. М.: Наука, 1980; Узбеки ; отв. ред. З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова ; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Акад. наук Респ. Узбекистан, Ин-т истории. М.: Наука, 2011. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты; отв. ред.: С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М.: Наука, 2004; Котюкова Т. В. От Туркестанского генерал-губернаторства к советским республикам Средней Азии: как и когда начали формироваться современные границы в Центральной Азии (к 100-летию национального размежевания в Средней Азии) // Постколониализм и современность. 2023. № 3(3). С. 43–77; Туркестан в имперской политике России: монография в документах; отв. ред. Т. В. Котюкова, ред. Б. М. Бабаджанов, О. А. Махмудов, С. Н. Абашин. М.: Кучково поле, 2016; Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН; составители: В. О. Бобровников [и др.]. М.: Садра, 2017; Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018; Васильев А. Д. Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI–XIX в.). М., ИВ РАН, 2014; Васильев В. П. Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева: С портр. авт. // Вестник всемирной истории. 1900. Т. 8; Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв.: межгосударственные отношения. М. : Наука, 1991; Кузнецов В. С. Из истории освободительной борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765) // Народы Азии и Африки. 1974. №1. С. 130–136; Ходжаев А. Х. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан: (Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX века). М.: Наука, 1979; Думан Л. И. Биянху – вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. М.-Л., 1939; Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэтишар (1864–1877). М.: Наука, 1981; Васильев А. Д. Кашгария. А. Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // Мир политики и социологии. 2018. № 5–6. С. 19–40.

¹³ Цинские власти использовали этот термин при именовании жителей подвластных территорий, «внешних» вассалов или тех, кто представлял лишь формальную зависимость, а

Если для Цин восприятие окраинных земель было исторически унаследовано от предыдущей династии Мин и формулировалось подходом к этим народам как к вассальным, то российская политика исходила из задач определения подданства в рамках всей империи в зависимости от этноконфессиональных отличий. Основным маркером разделения и самоидентификации в регионе долгое время было разделение на правоверных и неверных, а также на кочевников и оседлых.

2. Уйгуры и дунгане находились в одинаковых условиях идентификации их властями и самоидентификации. После серии мусульманских восстаний середины XIX века и переселения в Российскую империю первоначально они имели статус переселенцев, но уже на рубеже XIX–XX веков часть уйгурских и дунганских поселений рассматривались коренными, в то время как новые миграционные потоки получали статус переселенцев. Это провоцировало определённое противостояние между старожилами и новоселами, не способствуя их этнической консолидации.

3. Изменение политики Китая и России по отношению к указанным этническим общностям было связано с историческими событиями в регионе: мусульманскими восстаниями, геополитическим соперничеством держав, революциями, процессами делимитации и демаркации границы. Советская модель демонстрирует качественное изменение в решении национального вопроса, в то время как республиканский Китай в значительной степени сохранял предыдущие варианты его решения.

4. Закрепление этнонимов «уйгуры» и «дунгане» за этническими общностями произошло в первой четверти XX века под влиянием советской этнополитики и этнографических изысканий. Несмотря на то что эти этнонимы встречались в различных письменных источниках, географических топонимах и названиях государственных образований с периода Средневековья, их этнонимическое употребление могло иметь иную трактовку. Административно-территориальные термины, которые распространили на этнографические группы, очень быстро были восприняты ими в качестве самоназвания, используемого до настоящего времени.

5. Процесс нациестроительства среди уйгуров и дунган в значительной степени являлся следствием целенаправленной политики советских властей. Этот процесс отражал общие идеи о решении национального вопроса, отстаивавшиеся большевиками, но имел и специфические черты, связанные со стремлением использовать проживание уйгуров и дунган как на территории СССР, так и в Китае для демонстрации позитивного имиджа советского строя.

6. В политике по отношению к мусульманам Синьцзяна китайское руководство опиралось на конфессиональную специфику. И только с

также государства или народы, которые имели периодические контакты с китайской властью. Кузьмин С. Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 46–47.

образованием Синьцзян-Уйгурского автономного района в составе КНР за уйгурами и дунганами административно были закреплены те же названия, что использовались в соседних советских республиках Средней Азии и Казахстана.

7. Важную роль в уточнении наименований в процессе национального строительства в регионе сыграла отечественная наука: от исследования топонимики и географии региона до введения в публичный оборот ряда этнонимов. Они стали основой для названия новых советских народов и наций, использовавшихся при образовании новых административно-территориальных единиц различного уровня в составе СССР.

Апробация результатов исследования проводилась в ходе чтения лекций и проведения семинаров по истории стран Центральной Азии в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, а также в рамках обсуждений на заседаниях кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА, Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья и отдела истории Востока Института востоковедения РАН, выступлений на 25 международных и отечественных конференциях.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обозначена актуальность исследования, определены научная новизна, объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки, теоретическая и практическая значимость работы, описана методологическая основа и использованный в работе терминологический аппарат, представлен обзор источниковой базы и историографии темы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе рассмотрены источники и историография, рассмотрен процесс формирования положения уйгурской и дунганской общностей в последней трети XIX века в рамках российской и китайской административно-правовых систем. Показано, что идентификация этих групп строилась преимущественно на религиозных и территориальных основаниях, а этническая самоидентификация имела существенно меньшее значение.

Народы, занимая пограничное положение, попадали в орбиту действия разных административных структур, руководствовавшихся отличными принципами управления. В разрезе этнополитики Российской империи в конце XIX века отношение к уйгурам и дунганам формировалось на основе общего подхода к мусульманам, для которых в России существовала определенная категоризация, отраженная, в частности, в терминах «инородец» и «иноверец». Китайская власть также видела отличие в культурном отношении, что было отражено в термине «вайфань». Формированию такого положения предшествовало массовое расселение мусульман Синьцзяна по территории Западного Туркестана, в значительной степени ставшее следствием военного похода кокандского хана Мухаммеда-Али (1822–1842) на Кашгар и последовавшее переселение в Ферганскую долину ок. 70 тыс. кашгарских

мусульман. Часть переселенцев позднее вернулась в Кашгар¹⁴. Существенную роль сыграли мусульманские восстания в империи Цин и вхождение в состав Российской империи территории среднеазиатских ханств вместе с зависимыми от них этническими группами.

Внешняя и внутренняя региональная идентификация преимущественно базировались на географической принадлежности. Типичными определениями служили категории территориальной идентичности: турфанец, кашгарец, комулец и пр., выделялась и хозяйственная принадлежность – таранчи (землепашцы). Другая составляющая была связана с религиозной идентичностью (мусульманин, православный) – наиболее выраженная в именовании дунган как хуэйцзу (мусульмане на территории Китая).

Политические события конца XIX века привели к тому, что уйгуры и дунгане оказались по обе стороны российско-китайской границы. Определенная часть оказалась на территории Российской империи по условиям Петербургского договора, еще большая — в результате миграции на территорию Западного Туркестана. Разделение этнических общностей между Российской и Цинской империями повлияло на их этническую и политическую идентификацию.

Этнополитика Российской и Цинской империй в конце XIX века по отношению к уйгурам и дунганам формировалось на основе общего подхода к этноконфессиональным группам. Российская империя рассматривала эти группы сквозь призму хозяйственных и этноконфессиональных особенностей, а в Китае они воспринимались как народы окраин. Трансформация политики стала следствием восстаний и угрозы их повторения. В отношении новых подданных – уйгуров и дунган – российская администрация достаточно быстро перешла от восприятия этих народов как некоренных, к попытке ограничения их возможного двойного подданства. Меры по ограничению двойного подданства проводила и Цинская империя. Обе империи пытались встроить территории в единое административно-правовое поле, частично опираясь на местную правовую традицию. При этом Цины форсировали некоторые изменения, заменяя географическую категоризацию прошлой эпохи китайскими топонимами.

До конца XIX века этничность не играла ведущей роли в самоидентификации уйгуров и дунган. Территориальная идентичность и вероисповедание, хозяйствование были основными факторами, определяющими их место в обществе. Политическая и экономическая модернизация региона привела в начале XX века к более активной этнизации этих групп, что стало важным фактором их самоопределения. Показателен пример таранчей, которые консолидировались после переселения в Кульджу, были объединены в одну

¹⁴ Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.: Ин-т российской истории РАН, СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 28. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 169. Л. 20–32. О принятии в русское подданство кочевых калмыков, каракалпаков и других выходцев из Китая.

группу по признаку хозяйственной деятельности. В российском контексте в отношении общности хозяйствования в схожем смысле была представлена категория «сарт». Понятия «уйгуры» и «дунгане» использовались представителями самих общностей, исследователями и администрацией, но не являлись доминирующими.

Во второй главе исследованы вопросы политической трансформации, протекавшие на территории Западного и Восточного Туркестана рубежа XIX–XX веков. Рассматривается участие уйгуров и дунган в региональных изменениях, а также эффект, который эти изменения оказали на различные сферы жизни и их идентификацию. Выявлено, что модернизационные проекты и рост политического самосознания стали важными факторами в консолидации общин.

Произошедшие в регионе изменения были связаны с революционными событиями на стыке эпох: в Восточном Туркестане важнейшим событием стала Синьхайская революция 1911 года, в результате которой Китай оказался в эпицентре политических изменений, происходивших на Востоке. В 1920-е годы, в период Гражданской войны в России, в регион были введены советские войска для ликвидации бежавших в Синьцзян белогвардейцев. Синьцзян, несмотря на сохранение статуса провинции в рамках Китая, в значительной мере находился в орбите влияния советской политики. Поэтому модель национального строительства «западной окраины» Китая находилась под влиянием процессов, протекавших на территории Западного Туркестана. Революционные события в Западном Туркестане наиболее ярко проявились в восстании 1916 года, революционных событиях 1917 года, сражениях Гражданской войны и борьбе с басмачеством, завершившись повсеместным провозглашением власти Советов на территории бывших Российской империи и Российской Республики.

В главе также анализируется эволюция национальной политики российских и китайских властей. Делаются выводы о близости подходов, направленных на сохранение целостности территории империй и оптимизации управления подвластными территориями¹⁵. Отличием российской политики была более активная инкорпорация нерусского населения в имперские структуры. Модернизационные процессы в регионе проявились и в джадидских проектах, породивших в том числе новые политические идеи, влиявшие на самосознание населения. Среди уйгуров и дунган начали создаваться варианты национальных историй, ориентированные сначала на отдельные части народа.

Революционные события начала XX века трансформировали представления различных групп о собственной идентичности, постепенно менялся подход государственных властей, появлялись не отдельные вопросы этноконфессионального характера, а закреплялось определенное политическое видение властей. В первую очередь сформировались, широко распространились

¹⁵ Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 142 – 159.

и укоренились в массовом сознании идеи о «нации». Локальные проекты, структурно нашедшие выражение в образовании партийных организаций и национальных автономий, стремились представить эту категорию через единую религию, территориальную самоидентификацию и различные этнические категории. Для этих этнических общностей выделение их в конкретную группу пока осуществлялось на уровне городского самоуправления, где основные задачи лежали в области социально-экономических требований, постепенно трансформировавшихся в политические.

В ходе реализации модернизационных проектов местная интеллигенция стремилась трансформировать традиционное исламское, преимущественно суннитское, общество. При этом наполнение понятия «нация» первоначально учитывало этнорелигиозную самоидентификацию, в связи с чем все проекты были направлены не на существовавшее в реальных географических пределах единство народов Западного Туркестана, Бухары и Хивы, а на все тюркоязычные народы, куда попадали и ближайшие жители Восточного Туркестана, а также мусульмане Поволжья, Крыма и др. территорий. Весьма быстро джадиды от идей модернизации образования перешли к политической деятельности, связанной сначала с распространением пантюркистских и панисламистских идей. Акцент в политических проектах Западного Туркестана был перенесен на решение национального вопроса. Этот же вопрос, но в интерпретации положения неханьского населения, волновал и жителей Синьцзяна. Уйгуры и дунгане Западного Туркестана активно участвовали во всех крупнейших событиях начала XX века, например, в антиханьских восстаниях. Они создали собственные политические организации и объединения, в отдельные периоды существовали национальные вооруженные формирования (отряды) из числа дунган и таранчей. Кульминацией борьбы за национальное самоопределение в довоенный период для жителей Восточного Туркестана стало образование в 1930-е годы Исламской республики Восточного Туркестана.

Для Западного Туркестана проблема выделения какого-либо этнического меньшинства долгое время находила реализацию через развитие языка и конфессиональную самоорганизацию. Например, в постановлениях и резолюциях Всероссийских мусульманских съездов местный суд и обучение должны были проводиться на языке местной народности, при этом отмечалась необходимость сохранения в учебных программах русского языка. Однако общая модель работы выстраивалась, исходя из их религиозных воззрений.

Долгое время на бывшей территории Российской империи с компактным проживанием уйгуров и дунган национальных проектов не было. Появление первых таких проектов относится ко времени национально-государственного размежевания советской Средней Азии.

Политическая трансформация после Синьхайской революции 1911 года привела к формулированию доктринальных подходов о пяти народах Китайской Республики и стремлению к единению. При этом среди народов фигурировали не

сами уйгуры или дунгане, а мусульмане, что означало восприятие китайскими властями этих народов сквозь призму их религиозной принадлежности. На территории Западного Туркестана национальный вопрос формулировался параллельно с религиозным, и на фоне общероссийских и общетуркестанских процессов формировались различные объединения на этнической основе, примером чего стало появление союза «Уйгур», куда кроме уйгур вошли и дунгане.

Процесс развития национальных представлений в Туркестане был связан с различными идеями, среди которых наибольшее распространение получили джадидизм и большевистский вариант социал-демократической идеологии. Указанные идеи ярко очерчивали проблемы, которые требовали незамедлительного решения. Идеологические проекты того периода предлагали изменить следующие стороны жизни: улучшить образование, предоставить политическую автономию или обеспечить политическое участие населения в жизни государства, защитить интересы национальной культуры и религии, решить земельный и водный вопросы. Однако решение этих вопросов находилось в зачаточном состоянии.

В третьей главе исследуются процессы эволюции положения и идентификации уйгуров и дунган в связи с политическими изменениями в регионе в первой трети XX века. В СССР в конце второго и первой половине третьего десятилетия были определены основные наиболее крупные этнические группы, получившие статус наций, и был сформулирован подход к национальным меньшинствам. Он предполагал общие меры для всех на основе единых критериев. Политика коренизации и другие меры по уравниванию прав национальных меньшинств, а также предоставление полномочий местным среднеазиатским республикам привели в том числе к шовинистическим движениям внутри этих республик, с которыми советская власть весьма успешно боролась. Несмотря на общий политический курс на самоопределение наций административные варианты решения национального вопроса варьировались. В рассматриваемый период решение национального вопроса преимущественно исходило от самого руководства, а указанные национальные группы находились под влиянием собственных стереотипов и представлений: дунгане и уйгуры пытались самоопределиться, ориентируясь в том числе на трансграничный контекст и ситуацию в Синьцзяне.

Уйгуры и дунгане советской Средней Азии и Казахстана имели широкие связи с жителями Синьцзяна. В советской части региона национальное строительство достигло определенных успехов: от разобщенных этнических общностей (кашгарлыки, таранчи и китайские мусульмане) уйгуры и дунгане перешли к конкретному представлению и имели политические возможности защиты своих интересов. В 1936 году их этнонаименования были окончательно определены в качестве двух отличных друг от друга групп – уйгуров и дунган.

Многочисленные письменные обращения дунган и уйгуров в разные инстанции, создание нескольких собственных организаций на национальной основе подтверждают тезис, что в 1920-1930-х годах они принимали активное участие в процессе нациестроительства в регионе, стремились к созданию собственной автономии до областного уровня, а позднее отдельных автономий, но в силу изменения политики советской власти в области решения национального вопроса и многофакторности этого процесса, они не получили отдельных автономий, соответствовавших статусу «народностей». Даже образованные уйгурские автономные районы в составе КазССР были весьма скоро преобразованы в обычные территориальные районы без автономного статуса.

В расположенном рядом с советскими Казахстаном и Киргизией Синьцзяне уйгуры и дунгане в первой трети XX века продолжали оставаться в соперничавших друг с другом территориальных группах, наследовавших идентификацию периода Цинской империи. Интеграционной доминантой здесь выступала антиханьская сплоченность, которая способствовала образованию на некоторое время Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан. В рамках этого государственного образования идентификация строилась на исламских и пантюркистских принципах. Определенное влияние на процесс этнической консолидации в Синьцзяне оказала этнополитика СССР в отношении уйгуров и дунган.

Кристаллизация национальных интересов, как и рост политической сознательности, происходили в уйгурской и дунганской общностях, однако политические различия советских Средней Азии и Казахстана с китайским Синьцзяном создавали сложность в их консолидации, открывая в то же время весьма неожиданный спектр возможностей в экономической и культурной сферах представителям двух стран.

В заключении с учетом выводов, сделанных в рамках каждой из глав, выделяются этапы трансформации этнокультурной идентичности уйгуров и дунган, устанавливается их взаимосвязь с изменениями в этнополитике Российской империи/ СССР и Китая на протяжении всего рассматривавшегося периода. Приводится авторская периодизация этнической консолидации.

Первым этапом, послужившим основой социально-политическому сплочению, первоначально не на этнических началах, стала серия мусульманских антицинских восстаний, происходивших на территории Восточного Туркестана. Антикитайские выступления, развернувшиеся в регионе в период 1862-1869 годов, создали фундамент объединения жителей с опорой на ислам.

Вторым этапом консолидации уйгуров и дунган стали революционные события в России и Китае начала XX века. Они повлекли серьезные политические изменения – смену политических форм существования государств. Новые республиканские режимы предполагали поиск новых форм полиэтнического и поликонфессионального политического устройства. В практическом плане это

выразилось в изменении этнополитики. Синьхайская революция в Китае, а также Февральская и затем Октябрьская революции в России привели к тому, что в регионе были в кратчайшие сроки разрушены существовавшие формы кооперации и управления. В том числе они породили проекты культурных и политических автономий, причем в России этот процесс протекал чрезвычайно интенсивно, а в Китае сдерживался правительством.

Третий этап изменений связан с постоктябрьскими процессами. В бывшем Западном Туркестане проявилось несколько тенденций, определявших варианты самоопределения региона, – территориальная самоидентификация и этнизация. Появление первых автономий в составе РСФСР, таких, как Сибкрай и Туркестанская АССР, предполагали объединение на основе географического/территориального принципа. Однако разобщенность интересов и рост межэтнической напряженности, появление пантюркистских и панисламистских течений, не способствовали такого рода объединению. Поэтому, несмотря на разную интенсивность, этнический принцип консолидации был взят за основу в определении будущего административного деления страны и региона. Первыми республиками, основанными на национальном принципе, стали Башреспублика и Киргизская (Казахская) АССР.

В Китае эти процессы протекали значительно медленнее в связи с политикой республиканских властей, направленной на укрепление положения ханьцев, что, однако также выступило фактором консолидации этнических меньшинств. Внутри Китая процесс нациестроительства на начальных этапах в значительной мере опирался на советский опыт. Реформы в рамках Тюркской Исламской республики Восточный Туркестан (1933–1934) и Второй Восточно-Туркестанской Республики (1944–1949), отдельных национальных образований, и даже провинциального правительства Синьцзяна, представлявшего гоминьдановское правительство Китая, являлись реакцией на советское национальное строительство. Специфическую роль играли исламский и тюркский факторы, вместе с тем этнический фактор и здесь постепенно становился приоритетным. Например, республики зачастую называли «Уйгуристаном». В отличие от СССР, где не фиксировалось серьезных межэтнических противоречий между уйгурами и дунганами. Существовали и серьезные отличия между процессами этнической консолидации в Советской России/СССР и Китае. Так, в Синьцзяне эта консолидация приобретала форму вооруженного противостояния уйгуров и дунган, чего не было в советских республиках Средней Азии.

В приложении приведены переводы материалов первого татарского литературного журнала «Шура», посвященные истории уйгуров и дунган (1908–1912), а также сводная таблица данных о численности уйгуров и дунган, составленная автором по архивным и опубликованным материалам.

Основные положения диссертации отражены в следующих российских рецензируемых научных изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Сапрынская Д. В. Реформа национально-территориального размежевания как инструмент советской этнополитики: инициативы уйгуров и дунган (1920-е — 1930-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2025. — Т. 16. — Вып. 5(151). URL: <https://history.jes.su/s207987840035675-1-1>.
2. Сапрынская Д. В. Переселенцы (уйгуры и дунгане) и проблема их категоризации в период демаркации русско-китайской границы (1851–1915 гг.) // Человеческий капитал. — 2024. — №10(190). — С. 32–38.
3. Сапрынская Д. В., Сыздыкова Ж. С. Между переписями 1897 и 1926 гг.: некоторые аспекты национального состава населения Казахстана // Вопросы политологии. — 2024. — Т. 14, №1. — С. 214–221.
4. Сапрынская Д. В. Вопросы национальной организации уйгуров в 20-е гг. XX в. // Человеческий капитал. — 2023. — Т. 8. №176. — С.47-52.
5. Сапрынская Д. В. Идеи и представления джадидов о нации (на примере работ М. Бигиева) // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2023. — Т. 13, №4(96). — С. 522–524.
6. Сапрынская Д. В. Факторы трансформации населения Казахской ССР в 20-60-е гг. XX В // Человеческий капитал. — 2020. — №12. — С. 60–67.
7. Сапрынская Д. В., Сыздыкова Ж. С. Национальная политика Советов и переселенческий вопрос в Казахстане // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2020. — Т. 10, №10. — С. 2402–2406.